

Российская академия наук
Институт психологии

Новые тенденции и перспективы психологической науки

Ответственные редакторы
А. Л. Журавлев, А. В. Юевич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2019

УДК 159.9
ББК 88
Н 76

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Н 76 Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 201. — 640 с. (Методология, история и теория психологии)

ISBN 978-5-9270-0393-8

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассмотрены новые тенденции и перспективы развития методологии психологической науки. В фокусе внимания авторов находятся как общие тенденции методологических исследований, так и проблемы конкретных областей. Анализируются роль психологии в современном мире, новые социальные тенденции в ее развитии, вызовы социальной психологии в эпоху глобализации, интегративные и изоляционистские тенденции в отечественной психологии.

Книга может быть интересна как профессиональным психологам, так и представителям широких социальных слоев, небезразличных к проблемам организации психологических исследований.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2019

ISBN 978-5-9270-0393-8

Содержание

<i>А. Л. Журавлев, А. В. Юревич.</i> Вместо введения: Основные типы тенденций развития психологии.	5
---	---

Часть 1

Общие тенденции развития методологии психологической науки

<i>В. А. Мазилев.</i> Психология и методология: тенденции и перспективы развития	11
<i>Т. Д. Марцинковская.</i> Современная психология: от транзитивного к технологическому обществу	43
<i>А. В. Юревич.</i> Новые социальные тенденции в психологии	73
<i>М. С. Гусельцева.</i> Субъектность, виртуальность, транзитивность как проблемы современной психологии . . .	117
<i>Т. В. Зеленкова.</i> Образ мира в контексте прогрессивного постмодернизма	170
<i>И. А. Мироненко.</i> Интегративные и изоляционистские тенденции в современной российской психологии: истоки и перспективы	196
<i>Е. Ю. Патяева.</i> Психотехническая теория как зона ближайшего развития современной психологии	220
<i>С. В. Фролова.</i> Актуальное проблемное поле и перспективы психологии в публикациях одного года	242
<i>М. В. Александрова-Хауэл, Ч. И. Абрамсон.</i> Представления российских студентов о научном статусе психологии	297

Интегративные и изоляционистские тенденции в современной российской психологии: истоки и перспективы

И. А. Мироненко

Введение

В эпоху общей глобализации жизни мирового сообщества с неизбежностью происходит интеграция мировой науки, формирование ее единого глобального пространства (Журавлев и др., 2018). Вопрос о месте российской психологии в мировой науке и неразрывно с ним связанный вопрос о путях и желательной мере интеграции в иноязычный мейнстрим сегодня мало кого оставляют равнодушными, тем более что формальные оценки результатов деятельности отдельных российских ученых и коллективов все в большей степени «привязываются» к наличию или отсутствию публикаций в иностранных журналах и ссылок там на труды россиян. Адекватность такого рода критериев, как и в целом необходимость жесткой ориентации на иностранный мейнстрим, закономерно вызывают сомнения среди российских психологов и требуют специального анализа, который представлен в ряде публикаций (Журавлев и др., 2016; Журавлев, Нестик, 2016; Мироненко, 2015, 2017; Национальная гуманитарная наука..., 2010; Сироткина, Смит, 2008; Юревич, 2009, 2010; Юревич, Цапенко 2010; Ясницкий 2011; Mironenko, 2014; и др.).

Однако вопрос о месте российской психологии в мировой науке не сводится к формальным показателям качества работы ученых. Сегодня он является ключевым для профессионального самоопределения российского психолога, с начала своей профессиональной подготовки активно ассимилирующего продукцию зарубежной иноязычной науки и в то же время в подавляющем большинстве говорящего и пишущего только по-русски. Позиции российских ученых в этом отношении весьма различны. А. В. Юревич отмечает,

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-50086-ОГН «Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы».

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

что в настоящее время среди российских психологов имеют место как «глобалистические», интеграционные, так и «контрглобалистические», изоляционистские, тенденции: «Прямолинейный западноцентризм, предписывающий российской науке интегрироваться в западную путем стирания национальных особенностей российской науки дополнился столь же прямолинейным игнорированием необходимости примыкать к мировому мейнстриму» (Юревич, 2010, с. 55). Более того, в настоящее время «контрглобалистические» тенденции в российской психологической науке усиливаются: «Патриотическая волна последних лет, как водится у нас, принесшая антизападнические настроения, породила новые установки в отношении интеграции отечественной науки в мировой мейнстрим. Наиболее радикальные из таких установок состоят, например, в том, что нам нет нужды стремиться к интеграции в западную науку, — напротив, ей надлежит проявлять большее внимание к российской науке <...> не нам следует учить иностранные языки, чтобы публиковаться в международных журналах, а зарубежным ученым надлежит изучать русский, чтобы читать российские научные журналы и т. п.» (Юревич, 2010, с. 55)

Трудно не согласиться с выводом, что «очевидна неадекватность обоих видов прямолинейности, напоминающих два крайних положения маятника, и, соответственно, необходимость как сохранения наиболее плодотворных национальных особенностей российской науки, так и ее интеграции в мировой мейнстрим, т. е. целесообразность соблюдения... принципа *оптимума интеграции*» (Юревич, 2010, с. 55).

Однако каким должен быть этот оптимум, что следует учитывать при попытках определить этот оптимум, — остается предметом дискуссии.

Нужна ли российской психологии интеграция в иноязычную мировую науку? Зачем и кому это нужно (или не нужно) в разнородном российском профессиональном сообществе? Какие корни питают «глобалистические» и «контрглобалистические» тенденции и какие опасности и перспективы развития стоят за ними?

В ситуации имеющего место разнообразия «интеллектуальных пространств» российского профессионального сообщества ответ на вопрос об «оптимуме интеграции», об оптимальном сочетании национально специфического и интернационального в российской психологии не может быть однозначным или тем более формальным. В поисках «оптимума интеграции» представляется необходимым учитывать особенности теоретико-методологических ориентаций сообществ ученых, в большей или меньшей степени ориентирован-

ных на мейнстрим, так как мотивы, проблемы и сопутствующие факторы в зависимости от этих ориентаций оказываются существенно различными.

Само понятие «российская психология» сегодня можно трактовать по-разному. Под «российской психологией» можно понимать научное психологическое знание, порожденное и развитое в России, а можно — профессиональное сообщество в современной России. Применительно к российской психологии как научному знанию вопрос о ее месте в мировой науке — это, во-первых, вопрос о том влиянии, которое оказали на ход развития мировой науки, интегрированные в ее контекст российские теории, а во-вторых, вопрос о причинах и следствиях того, что другие оригинальные российские теории недостаточно интегрированы в интернациональный контекст, недостаточно известны вне России. Если под российской психологией понимать профессиональное сообщество, сложившееся в современной России, вопросы оказываются другими.

Профессиональное сообщество в современной России

Современное нам профессиональное сообщество сложилось на дифференцировавшейся основе советской психологической науки, которая в 1960—1980-х годах достигла состояния парадигмы¹. С падением советского государства были сняты идеологические и другие искусственные барьеры на пути развития психологии, которая в советское время удерживалась в русле монометодологического течения, естественно-научного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований.

В это же время перед психологами открылись новые горизонты профессиональной деятельности, хорошо обеспеченный финансо-

¹ «В результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия различных теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но, наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве» (Психологическая наука в России в XX столетии, 1997).

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

во рынок психологических услуг потребителю. На фоне сворачивания программ фундаментальных исследований произошел подъем в области психологического образования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой. Разнообразие форм и содержания подготовки психологов специально отмечается в монографии «Психологическая наука в России в XX столетии» ИП РАН как существенная характеристика постперестроечного периода в развитии психологии в России.

Таким образом, большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, прямого отношения уже не имеет. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 1990-х годах уже более 300 вузов России ежегодно выпускали более 5000 психологов. Профессиональное сообщество в 1990-х годах за короткий период выросло в численности в сотни раз. Такой бурный количественный рост не мог не сопровождаться падением качества образования (в массе) и – в массе же – сменой ориентации от сложных фундаментальных теоретических построений отечественной науки к западным теориям, в доступной форме представленным в переводных учебниках и обращенным к запросам востребованной обществом психологической практики.

Российская психологическая наука как одна из великих школ XX в. переживает время драматического разлома. Для постсоветского российского профессионального сообщества постсоветский период – это период роста с сопутствующими ему проблемами, характерными для развивающихся стран.

Какая часть современного профессионального сообщества владеет теорией и методологией советской парадигмы? Очень небольшая. Фактически овладеть той теорией и методологией можно было, только приняв ее «из рук в руки» от учителей, учитывая то, какую роль играла в психологическом образовании в советский период устная традиция, когда психологи не учились по учебникам, а монографии, по которым они учились, большинстве были написаны «эзоповым» языком. Тексты наших классиков, за редким исключением, не «открываются» при прочтении случайному человеку, они писались в расчете на герменевтику, на чтение совместно с учителем, о чем неоднократно писалось в литературе. Той теорией владеет сегодня очень

небольшая часть профессионального сообщества, те, кто был этому специально обучен. При этом не все из этих людей остаются на прежних методологических позициях, так что численность этой группы не только не велика — она уменьшается. Тем не менее первая группа, которую мы выделяем здесь — группа последователей субъектно-деятельностного подхода, как мы ее назовем, немногочисленна, что не уменьшает ее значимости в контексте обсуждаемой проблемы.

Как сгруппировать остальных?

С крушением парадигмы, на фоне сочетания процессов слияния с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества российская психология впала в кризис и распалась, так что кажется уместным цитировать слова Н. Н. Ланге, сказанные почти сто лет тому назад: «Крайнее разнообразие течений, отсутствие общепризнанной системы науки, огромные принципиальные различия между отдельными психологическими школами... Ныне общей, т. е. общепризнанной системы в нашей науке не существует. <...> Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» (Ланге, 1982, с. 110).

В отличие от известного кризиса мировой науки конца XIX—начала XX в., после перестройки в России оригинальные новые, яркие направления не многочисленны. Доминировала, особенно в 1990-е годы, ориентация на те или иные направления в зарубежной науке. Мы здесь назовем их последователей «западниками» и выделим в отдельную группу.

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, сформировавшихся в постперестроечный период, назовем христианскую православную, или религиозно-философскую, психологию, которая мощно развивается сейчас, продолжая традиции направления, существовавшего в России в досоветский период.

Таким образом, у нас получаются три группы ученых, три «интеллектуальных пространства»:

- последователи субъектно-деятельностного подхода;
- последователи национально-специфических теорий («славяно-филы»);
- последователи зарубежных школ («западники»).

Заметим, что структура, которая у нас получилась, в большой степени напоминает структуру направлений развития психологии в России в досоветский период, как ее описывает В. А. Кольцова (Кольцова, 2002; Психологическая наука..., 1997):

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

- естественно-научное направление («экспериментальная» психология), на основе которого в дальнейшем развивалась психология в советский период;
- эмпирическая психология, для которой характерна ориентация в большей мере не на национальную традицию, а на современные ученым данного направления европейские концепции и методы исследования психического;
- религиозно-философская психология, основанная на идеях и положениях русской богословской и религиозно-философской мысли.

Рассмотрим вопрос об интересах, идеалах и проблемах интеграции в мировую науку, имея в виду наше разделение на «интеллектуальные пространства» российского профессионального сообщества.

«Западники» — те, кто ориентируется на западные теории. Именно эта группа составила основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 1990-е годы, что не в малой степени объясняется мощным выбросом переводных зарубежных учебников на рынок психологического образования, который бурно разрастался в тот период. На первый взгляд, глобалистические тенденции естественным образом были заложены именно здесь. Однако нарастание контрглобалистических тенденций в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование многих из этих людей, которое постигло их при попытке выхода на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что уровень многих статей не соответствует требованиям журналов. Это не удивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по переводным учебникам и пересказам, современных западных журналов не читает и потому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу и требуемому научному уровню. Можно согласиться с А. В. Юревичем, что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему» (Юревич, 2010), однако, причина интереса или его отсутствия не в скрытости—открытости, а в том, что мы Западу показываем.

Многие из тех, кто в 1990-е ориентировался на западные школы, сегодня ищут новые идеалы. Однако примеров успешной интеграции среди «западников» достаточно много, и, если говорить о публикациях в иностранных журналах как о показателе качества работы ученого, в отношении данной относительно небольшой

части нашего сообщества этот показатель представляется адекватным.

Растущей численностью отличается другая часть профессионального сообщества, которую мы обозначили здесь как «Славянофилы». Христианская православная, или религиозно-философская, психология, ряды сторонников которой сегодня ширятся, развивает традиции, заложенные в российской психологии досоветского периода. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности. Глобалистических тенденций среди представителей этого направления не наблюдается, а контрглобалистические – сильные.

Применительно к данному направлению публикации в иностранных журналах, конечно же, адекватным показателем качества не являются, и стоит ли ставить сейчас задачу «прорыва» на западный рынок – далеко не очевидно. В то же время в перспективе кажется вполне возможной востребованность этого направления в мейнстриме. Известно, что те представители российской религиозно-философской мысли, которые были высланы из страны в 1922 г., оказали существенное влияние на развитие мировой науки, в частности, на развитие экзистенциализма.

Может показаться парадоксальным, но, фокусируясь на уникальности российской культурной идентичности, это направление созвучно идеям, положившим начало движению к глобальной психологии в мировой науке (Журавлев и др., 2018; Ковалева, Журавлев, 2018; и др.), отвечает установке на исследование личности в культурном контексте, с применением адекватного ему теоретико-методологического аппарата. Ее интеграция в глобальный контекст представляется органичной, так как в сети глобальной психологии российская наука может и должна сохранить свою особость, специфичность, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна, а значит – востребована.

Потенциал включения в мировую науку российской психологии велик и потому, что именно здесь имеется существенный задел в разработке *антропологической проблемы*, актуальнейшей на современном этапе развития психологии (см.: Субъектный подход, 2009; Личность и бытие, 2008; Психологические исследования, 2007, 2016; Духовно-нравственные проблемы..., 2018; Психология человека как субъекта..., 2018; и др.). Теоретическая модель человека, имплицитно и экс-

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

являющаяся заложена в основании российской традиции, едва ли не единственная в научной психологии, куда вписывается та *свобода* человека от законов природы, о которой столько написано философами, от Платона до Кассирера (Mironenko, Sorokin, 2015).

Классические психологические теории XX в. обращены к анализу существования (*étant*) человека в мире, к анализу проявляемых им свойств. Вопрос о его сущности (*entre*) не ставился в них, в рамках относительно изолированного развития школ полагался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая сегодня интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической науки высвечивает то, что сущее, существование которого описывают концепции школ, совсем не обязательно одно и то же в разных теориях. Сегодня основной вопрос, на который должна ответить психология, главная проблема современной психологии: что есть это сущее, что есть человек? Антропологическая проблема личности становится главной для современного этапа развития мировой психологии. Вопрос не является абсолютно новым, еще Сократ вопрошал: «Кто я?». На стене храма Аполлона в Дельфах была надпись: «Познай самого себя». Так или иначе все философские и религиозные системы предлагают свои ответы, но сейчас этот вопрос имеет уже не отвлеченно философское значение, но жизненно важен для человечества. Он присутствует в воздухе современного мира.

Явно или неявно психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о сущности человека и его предназначении. Происходящая интеграция психологического знания выявляет, что теоретические модели человека, имплицитно заложенные в теориях различных школ, существенно различаются. Это заставляет задаться вопросом: как соотносятся эти теоретические модели? Дополняют они друг друга или, может быть, взаимно исключают? Без обращения к этому вопросу невозможен диалог теорий в глобальной науке. В свете этого особую важность приобретает такое качество теорий, как заложенный в них потенциал неоднозначности, вариативности и изменчивости результирующих прогнозов, иными словами, диалектический характер предлагаемых теоретических моделей, и именно этим отличаются представления о человеке, развиваемые российской научной школой.

Для понимания подхода к проблеме сущности человеческой личности, который лежит в основе отечественных психологических теорий,

рий, особое значение имеют две философские традиции, влияние которых на развитие отечественной психологии А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский (1996) отмечают с самого начала развития психологической науки в России. У истоков первой из них стоял Николай Чернышевский, у второй – Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции постановки проблемы личности в психологии, исходя из противостоявших друг другу способов осмысления ее природы.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит «русский путь в науке о поведении» – от Сеченова до Павлова и Ухтомского и далее к марксистской советской психологии с ее естественно-научным деятельностным подходом. К теологическому принципу Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Л. Франка и др. – религиозно-философское направление, казалось, навсегда исчезнувшее в России после 1922 г. и знаменательным образом возродившееся в постсоветский период.

Интересно, что участники этого противостояния прежде, чем занять собственную, противостоящую второй идейную позицию, испытали неудовлетворенность этой второй позицией. Чернышевский и Павлов были воспитанниками духовной семинарии, Ухтомский учился в духовной академии. Соловьев начал творческий путь в качестве студента-естественника, а затем становится слушателем лекций Юркевича и подает прошение об отчислении его с физико-математического факультета.

В отношении *марксистской антропологии*, служившей философским основанием для развития психологии в советский период, сегодня представляется необходимым отойти от идеологизированных стереотипов: как привычного на протяжении более 70 лет советской власти восхваления, так и бездумного очернения, которое мы часто наблюдали в 1990-е годы. В марксистской антропологии сочетаются два основных положения. Каждое из них имеет полемически заостренный характер, а сочетание их кажется парадоксальным.

Во-первых, теория Маркса последовательно естественно-научна. Весь мир и человек как его часть имеют естественное историческое происхождение. Ничего сверхъестественного нет, человек принадлежит природе, он полноправная часть живого мира.

Во-вторых, человек понимается как преимущественно социальное существо. Теория Маркса социцентрична: все специфически человеческие качества выводятся не из неизменных родовых общечеловеческих свойств, но однозначно определяются устройством общества в определенный исторический период, общественными

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

отношениями. Это положение марксистской теории подвергалось наибольшей критике, теорию Маркса не раз объявляли утопичной, поскольку ее постулаты не соотносятся с «человеческой природой».

Представление о человеке, развиваемое марксизмом, глубоко диалектично, в нем заложено внутреннее противоречие, отрицание отрицания власти законов природы, — источник активности и развития человека. Сущность человека у Маркса в том, что он активно преобразует мир, он деятелен. Э. Фромм считает Маркса родоначальником радикального гуманизма. Фромм ставит Маркса в один ряд с такими мыслителями, как Спиноза, Гете, Гегель, для которых человек живет до тех пор, пока он одержим творчеством, собственными усилиями преобразует мир.

Русская религиозно-философская традиция в плане постановки проблемы личности человека имеет, как часто отмечалось в литературе, такую характерную особенность: в отличие от западной философии, человек не выступает здесь в качестве воплощения индивидуализма. Он всегда понимается как некая «соборность в иерархии бытия». С одной стороны, говорится о целостности и уникальности личности, с другой — о ее подчиненности высшему началу. В центре внимания находится осмысление предназначения человека, перед которым выдвигаются определенные нравственные императивы, поступки которого соразмеряются с общечеловеческими целями.

Представляется чрезвычайно важным то, что становление психологической науки в России происходило в ситуации острой полемики и постоянного, заинтересованного диалога между двумя этими направлениями, естественно-научным и духовно-философским. Это изначально придало диалектический характер постановке проблемы личности в российской психологии, ибо «цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3).

Этот постоянно, если не эксплицитно, то имплицитно присутствующий контрапункт препятствовал односторонней, «уплощенной» и внутренне непротиворечивой трактовке сущности личности, что не позволило естественно-научной советской психологии в дальнейшем снизить напряжение поставленной сверхзадачи монистического материалистического объяснения явлений духовной жизни личности, духовного начала в ней. Благодаря этому стало возможным и быстрое возрождение православной духовно-философской психологии в постсоветской России после более 70 лет декларируемого атеизма и радикального материализма.

Глобалистические и контрглобалистические тенденции последователей субъектно-деятельностного подхода

Чем определяются глобалистические и контрглобалистические тенденции применительно к группе последователей субъектно-деятельностного подхода?

Рассмотрим доводы «за» интеграцию. Во-первых, именно исследования в русле субъектно-деятельностного подхода в максимальной степени соответствуют представлениям зарубежных коллег о российской психологии, их ожиданиям. Общеизвестно, что для Запада российская психология — это, прежде всего, труды таких ее известных представителей, как Л. С. Выготский и А. Р. Лурия: «Образ российской/советской психологической науки, сформировавшийся на Западе... можно обозначить как представление о том, что российская психология — это труды таких ее корифеев, как Л. С. Выготский и А. Р. Лурия» (Юревич, 2009, с. 79).

И именно к этому направлению там сохраняется и даже растет устойчивый интерес. В литературе отмечается, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Выготского только возрастает, что проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии (Юревич, 2010; Карпов, 2005). Интерес к тем источникам данного направления, которые на Западе известны, прежде всего к работам Выготского и Лурии, позволяет рассчитывать и на интерес к работам их последователей.

Во-первых, ученых, работающих в русле субъектно-деятельностного подхода, на Западе готовы услышать. Во-вторых, им есть, что сказать. У российских психологов есть все основания для полноценного участия в диалоге с Западом. Классические теории, известные на Западе, прежде всего, теория Выготского, развивались и на родной почве, и развитие это было иным, нежели на Западе, и, возьму на себя смелость сказать, российские психологи продвинулись здесь значительно дальше зарубежных коллег. Так, теория Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «Культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность «формирования нового человека» в рамках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иу-

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

дейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко, 2007, с. 141).

Помимо диалога в области известных западному читателю теорий, представляет интерес и возможность обсуждения ряда других, сложившихся в русле субъектно-деятельностного подхода, которые в России справедливо считают классическими и которые остаются на Западе практически неизвестными. Так, содержание исследований школы Б. Г. Ананьева относится к областям, остроактуальным сегодня на Западе — Life-Span Human Development, Personality Impact on Psychophysiological functions и пр. (Головей и др., 2017; Кольцова, Журавлев, 2008; Мироненко, 2015).

Таким образом, интеграция с мейнстримом данного направления в современной российской науке, как представляется, максимально востребована и его обогатила бы.

Как неоднократно было отмечено в литературе (Castro, Lafuente, 2007; Marsella, 2012; Moghaddam, 1987; Rose, 2008), мейнстрим современной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежащего к современной западной культуре XX в., воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. В силу сложившегося стереотипа рассматривать человека западной культуры в качестве человека вообще, в западном мейнстриме доминирует тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривается как своего рода надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике — как раз и навсегда сложившееся, непротиворечивое и постоянное.

В современной культурной и кросс-культурной психологии, где большое внимание уделяется исследованиям развития речи, обеспечивающей для младенца овладение культурой, нам не известны в литературе попытки поставить вопрос: в чем заключается различие между тем, как овладевает речью человеческое дитя и детеныш животного, в чем различие в процессах коммуникации с матерью ребенка и животного? А заданный в устной дискуссии вопрос этот воспринимается как неуместный, на который невозможно дать сколько-нибудь определенный ответ.

В то же время ответы были предложены в русле российской традиции советского периода.

Сигналы, которыми обмениваются животные, понятны всем представителям вида, человеческие же языки различаются. Язык как основной механизм культуры выполняет не только объединяю-

шую функцию, обеспечивая своим носителям возможность понимать друг друга, но и представляет собой способ изоляции культур, обеспечивающий защиту культуры от внешних воздействий: человеческий язык — это средство ограничить круг понимающих друг друга. Серж Московиси в качестве коренного, исходного проявления социальности называет разделение на своих и чужих. Известно, что близкое проживание людей разнородных культур, как, например, в районе Кавказа, приводит к языковой дивергенции. Разделяющую функцию языка особо подчеркивал и считал коренной Б. Ф. Поршнев (1974). Сигналы человеческого языка условны и культурно специфичны, значения слов, их предметное содержание опосредованы культурой. В этом коренное отличие «языка» животных от языка человека.

Еще одно важнейшее отличие заключается в том, что сигналы животных непосредственно соотносятся с витальными потребностями и эмоциями. В человеческом же языке связь слова с предметом опосредована культурой, уже не является прямой и неразрывной. Это открывает возможности для развития рефлексии, сознания и самосознания. Через посредство языка человек обретает новый тип реальности, состоящей из условных знаков и условных правил оперирования ими. Открытие этой реальности делает возможным выход за пределы ситуации, планирование и проведение трансформаций объективной действительности.

Следует отметить, что в мейнстриме игнорируется тот факт, что широко цитируемый там Выготский резко противопоставлял высшие психические функции, которые он называл «культурными» и специфичными только для человека, низшим, или «натуральным», которыми обладают и животные, и люди.

Известный британский социолог Николас Роуз пишет, что гуманитарным наукам сегодня необходимо пересмотреть их отношение к биологии, поскольку успешное развитие последней в XXI в. открыло возможность видеть в биологическом не фактор ограничения и фатальной предопределенности, но ресурс возможностей и потенциал развития (Rose, 2008). Еще более необходимым для гуманитарных наук представляется сегодня пересмотреть их взгляд на культуру, социальное начало в человеке. Необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в незыблемость человеческой природы к представлению о человеке как о непрерывно изменяющемся существе. Потому что социальное в человеке — это, прежде всего, способность человека к изменениям, скорость и масштаб которых принципиально отличают человека от прочих живых

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

существ. Человек является животным, однако это единственное животное, обладающее культурой, т. е. способностью к социокультурным адаптациям, которые несопоставимо превосходят по скорости прочие виды адаптаций, существующие в природе, и включают в себя возможность целенаправленного изменения среды своего обитания и самого субъекта.

Вызывает сожаление, что большинство российских психологов постсоветского периода в стало склонно к заимствованным метафизическим позициям, оставляя в прошлом радикально иную — и чрезвычайно актуальную, на наш взгляд, сегодня — трактовку биосоциальной проблемы, уникальную теорию биосоциального единства человека, сложившуюся в советской психологии. В основе этой исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России в отечественной науке рубежа XIX–XX вв. (прежде всего в работах великих русских физиологов) традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, традиция понимания социального как отмены, запрещения биологически естественного, понимания социализации как запрета природного и естественного поведения, понимания культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы.

Основу подхода составило открытие И. М. Сеченовым *центрального торможения* как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам с тем, чтобы следовать собственной программе (Ярошевский, 1996).

Произвольность человеческого поведения, его волевой характер, несводимость к отдельным непосредственным актам-реакциям и возможность их оттормаживания были в центре внимания Ухтомского. Открытие И. П. Павловым *механизма условных рефлексов* позволило объяснить, как взамен естественной системы реакций возникает новая, в основе которой уже не законы природы, но условные законы внешней ситуации, интериоризируемые индивидом. Особое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. *Слово* как особый вид социально условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание законам уже не природы, но часто вопреки этим законам — социуму и запечатленной в языке культуре.

И. А. Мироненко

«Учение о борьбе за существование, — писал К. А. Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека одна борьба — с борьбой за существование» (Тимирязев, 1949, с. 54).

В. А. Вагнер (1849—1934), основоположник и классик отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в способности последних действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (Вагнер, 1998, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче... чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (Вагнер, 1998, с. 185).

Проблема специфичности человеческой психики, ее отличий от психики животных была важнейшим предметом исследований советских ученых. В основу понимания данных отличий как радикальных и качественных была положена теория К. Маркса, которая парадоксальным образом соединяет в себе последовательную естественно-научность и социоцентризм. Человек в теории Маркса рассматривается, с одной стороны, как закономерный результат эволюции животного мира, законы его поведения определяются законами природы. С другой стороны, взаимодействие человека с природой опосредуется специфическим, тоже закономерным в эволюции возникшим образованием — социумом, культурой, которое преломляет человеческое развитие в культурно заданном направлении. Таким образом, направление, в котором действует естественный отбор, теперь определяется востребованностью обществом тех или иных качеств, не обязательно биологически полезных. В работах советских методологов подчеркивалось, что единство биологического и социального в человеке имеет в своей основе противоречия, которые порождают диалектическое развитие как культуры, так и биологии человека. Эти идеи созвучны запросу современности.

Доминирующий в современном мейнстриме метафизический подход к проблеме биологического и социального в человеке не соответствует реальности современного изменяющегося мультикультурального мира. Необходимость преодоления старых стереотипов сегодня становится очевидной (Журавлев и др., 2017; Ушаков, Журавлев, 2015). Развитие в XX и XXI в. уже показало, что попытки на-

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

вязывания всему миру единых культурных стандартов, в том числе и в первую очередь стандартов морально-нравственных оценок, идеи глобализации как всеобщего распространения единого типа культуры, не жизнеспособны. Следует искать иные пути сосуществования и взаимодействия культур, которые обеспечили бы сохранение и развитие каждой из них, возможность интеграции в едином контексте человеческой цивилизации (см.: Новое в науках о человеке..., 2015; Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.).

Проблема *биологического и социального* в человеке относится к числу вечных в психологической науке. Развитие психологии всегда изобиловало драматическими разрывами и дискуссиями, уже в силу ее положения на стыке естественных и гуманитарных наук, методы которых, как известно, существенно различны. Дискурс противостояния психологии «понимающей», гуманитарной, телеологической и психологии естественно-научной, каузальной сопровождает бесконечные дебаты о критериях научности знания. Сегодня в литературе широко обсуждаются различные варианты решения этого давнего спора (Driver-Linn, 2003; Goertzen, 2008; Hunt, 2005; Walsh-Bowers, 2010; Zittoun et al, 2009). Неоднократно высказывалась мысль о закономерности разрыва двух типов психологии в современной науке (Мироненко, 2015; Bower, 1993; McNally, 1992), о том, что сегодня имеет место объективно протекающий процесс дифференциации предметных областей, проходящий в этих областях институционализацию, уже не как отраслей единой науки, а как отдельных наук с соответствующим закреплением профессионального сообщества и теоретико-методологического оснащения, который уместно сравнить с тем, как в XVIII в. произошло разделение единого естествознания на химию, физику и другие естественные науки.

В то же время серьезные аргументы имеются и в пользу сохранения психологией статуса единой науки на пересечении наук естественных и гуманитарных, диалектическое единство и борьба тенденций в развитии которых «составляют источник развития психологической науки и придают ей тот динамический плюрализм, который открывает перспективы новых открытий и научных прорывов. Потому что психология *является* единой дисциплиной, которая рождается из процесса этого диалектического напряженного взаимодействия» (Hunt, 2005, p. 372).

Сможет ли психология выдержать напряжение этого «динамического плюрализма»? Но какими бы ни были границы психологии, выход из современного методологического кризиса действительно тре-

И. А. Мироненко

бует пересмотреть доминирующие в мейнстриме подходы к биосоциальной проблеме и расстаться со стереотипами непротиворечивости и постоянства биосоциального единства «вечного» человека.

Нужна ли интеграция в мировую науку российским ученым, работающим в русле субъектно-деятельностного подхода?

Возьму на себя смелость сказать, что для того, чтобы субъектно-деятельностный подход мог развиваться дальше, он должен быть интегрирован в единое пространство глобальной науки, только так может развиваться российская психология. В самой России сегодня недостаточно необходимых ресурсов, нет соответствующего социального заказа на фундаментальные теоретические разработки такого уровня и такой направленности, нет соответствующих людских ресурсов. Возможно, психологи, закончившие классические университеты до перестройки, — последнее поколение, которое научено понимать эти тексты, владеть этим языком, этим понятийным аппаратом. За ними слой стремительно истончается. Много ли желающих учиться субъектно-деятельностному подходу в современной России? Не думаю, что даже в лучших университетах, сохранивших преподавательский состав, владеющий теорией и методологией субъектно-деятельностного подхода, лучшие студенты стоят в очереди, чтобы заниматься этой проблематикой. Это направление было актуально в другой стране, с другой культурой и другой ментальностью, в других университетах.

Если мы не обеспечим вхождение разработок субъектно-деятельностного подхода в мейнстрим, тех концепций, которые пока не вошли туда, их, скорее всего, ждет судьба артефактов уходящей цивилизации. На наш взгляд, интеграция — это вопрос профессиональной состоятельности последователей субъектно-деятельностного подхода и их долга перед учителями.

Уже стали общим местом слова о том, что в России наука мало финансируется. Уже никого не удивить тем, что на долю России приходится 1,7% валовых внутренних расходов на исследования и разработки в мире (Unesco..., 2015a). Для сравнения, на долю США приходится 28,1%; на долю Китая — 19,6%; на долю Японии — 9,6%, Южной Кореи — 4,4%. Как-то ведь российская наука все же развивается?.. Думается, нашим психологическим сообществом не вполне осознано место *психологии* в настоящем и будущем российской науки. Отнюдь не все науки получают поровну. В России принята программа приоритетного развития восьми направлений науки, на финансирова-

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

ние которых расходует практически основное из того, что на науку в целом выделяется. Это:

- 1) безопасность и противодействие терроризму;
- 2) индустрия наносистем;
- 3) информационно-телекоммуникационные системы;
- 4) науки о жизни;
- 5) перспективные виды вооружения, военной и специальной техники;
- 6) рациональное природопользование;
- 7) транспортные и космические системы;
- 8) энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика¹.

При этом отмечается, что «динамика затрат на ИР свидетельствует о растущей концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Российской Федерации... Удвоился удельный вес приоритетных направлений в общем объеме внутренних затрат (с 34,8% в 2006 г. до 68,6% в 2015 г.)» (Исследования..., 2016, с. 1). На что же можно рассчитывать психологам среди прочих неприоритетных? Уместно заметить, что доля расходов на развитие психологии в США пишется отдельной строкой, составляет почти треть того, что получают физики, и на протяжении последних десятилетий постоянно возрастает (Unesco, 2015). Над этим стоит серьезно задуматься.

Современные лаборатории дорого стоят. В постперестроечные десятилетия активно обсуждались проблемы массового отхода российских психологов от естественно-научной парадигмы и растущая популярность парадигмы гуманитарной. В методологических предпочтениях ли дело? Могло ли быть иначе при отсутствии лабораторий? Много ли желающих учиться субъектно-деятельностному подходу в современной России на факультетах психологии, где не предусмотрен полноценный лабораторный практикум и обучение современному эксперименту? *Главные «риски глобализации», которые угрожают российской психологии, в следующем: утрата значимости и значения, утрата собственного лица и достойного места в пространстве мировой психологической науки будущего.*

Отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция сегодня представляют

¹ Указ президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» от 7 июля 2011 года.

ся необходимыми для развития самой отечественной науки. Можно согласиться с утверждением, что «сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных материальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведет к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука» (Лебедев, 2012, с. 147–148).

К сожалению, было бы неправдой сказать, что в группе ученых, развивающих субъектно-деятельностный подход, доминируют интеграционные тенденции (подробнее об этом см.: Журавлев и др., 2016; Журавлев, Нестик, 2016; Россия в глобализирующемся мире, 2007).

Представляется, что именно применительно к работам данного направления стратегия интеграции сопряжена с максимальными тактическими трудностями. Языковая проблема здесь предстает как проблема перевода понятийной системы отечественной научной школы, понятийной системы максимально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, в понятийную систему мейнстрима. Достаточно указать на трудности перевода ключевого понятия «субъект». Перевод данного понятия (к сожалению, это случается часто) как «subject» приводит к немедленному обесмысливанию текста в силу несовпадения семантических полей, расхождения смыслов, приписываемых понятию в текстах российской психологической школы и значения понятия *subject* в англоязычных текстах: предмет; тот, на кого оказывается какое-либо воздействие¹.

Решение проблемы перевода предполагает осуществление специальной герменевтики. Нужно понятно объяснить западным коллегам на их профессиональном языке суть наших теорий (что и по-русски не просто). Но другого пути нет.

Российская психологическая наука и российское психологическое сообщество — множества расходящиеся. Сегодня эти множества еще пересекаются — на той элитарной части сообщества, которая приняла научное наследие учителей из рук в руки и продолжает его развитие, в новых условиях и по-новому.

¹ Представляется простым и естественным решением использовать немецкое слово *subjekt*, значение которого адекватно передает дух и букву российской теории: *subjekt* — подлежащее, деятельное начало, противопоставляемое *objekt* — дополнение, то, над чем производится действие.

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

Тенденция к своего рода «частичной изоляции» от мейнстрима, отказ от активного участия в англоязычном мейнстриме, представляются опасными. Может ли в современном мире существовать наука «за неким занавесом»? В течение какого времени? Не станет ли «частичная изоляция» башней из слоновой кости, отрезанной от источников жизнеобеспечения, от притока свежих сил, от массовой психологической практики и образования в самой России?

Заключение

Выбора «вступать» или «не вступать» в глобальную психологическую науку у российской психологии нет. Но мы можем еще выбирать, в каком качестве мы туда войдем. Как «развивающаяся» провинция мировой науки или как наследники одной из великих школ XX в.

Вызывает сожаление, что в российском профессиональном сообществе вхождение в глобальную науку воспринимается многими как угроза и риски. В коллективном сознании сообщества формирующаяся *глобальная наука* предстает как достаточно монолитная «универсальная» парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам представления о человеке, методологию и теорию, для нас неприемлемые. Такое представление не соответствует действительности. *Глобальная психология* формируется как многополюсное *сетевое образование*, включающее весьма различные центры, не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как реакция бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысляемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям, порождаемым эрой глобализации (см.: Журавлев и др., 2018; Ковалева, Журавлев, 2018; и др.).

Для российской науки представляется необходимым отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки. Таковы условия будущего субъектно-деятельностного подхода в контексте мировой науки, так как объективная реальность существования психологической науки в России, отсутствие финансирования, необходимого для разворачивания современных лабораторных исследований, без которых невозможно развитие подхода в русле присущей ему естественно-научной методологии, не оставляет надежды на будущее в современной России. В то же время идеи и подходы, рожденные в контексте парадигмы, развивавшейся в советской науке, не утратили значимости в контексте мирового развития психологии и возможности их не исчерпаны. Утрата этого достояния,

И. А. Мироненко

превращение в «развивающуюся» провинцию мировой науки, представляются главным «глобальным риском» для российской психологии.

Интересными представляются и перспективы интеграции современной православной психологии, методология которой созвучна основной установке «глобальных» подходов: исследовать личность в культурном контексте, с применением адекватного культурному контексту теоретико-методологического аппарата.

В сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. В то же время российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна, а значит – востребована мировой наукой.

Литература

- Вагнер В. А.* Сравнительная психология. М.–Воронеж, 1998.
- Василюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: Проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский гос. ун-т, 2016. С. 12–17.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 55–74.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

- Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники // Наука. Технологии. Инновации. 2016. 28.12.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Основные подходы к пониманию глобальной психологии социальная и экспериментальная психология. Часть 2: Новые научные исследования / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 337–350.
- Кольцова В. А.* Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 6–18.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Ланге Н. Н.* Психология // Итоги науки. Т. VIII. С. 110.
- Лебедев С. А.* Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Мироненко И. А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015. 304 с.
- Мироненко И. А.* От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 119–123.
- Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши / Отв. ред. Е. Аксер, М. Савельева. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Петренко В. Ф.* Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 138–156.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии. Т. 1–2. Ростов-н/Д., 1996.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе / Ред.-сост. И. М. Гордещкая; отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Сироткина И. Е., Смит Р.* Психологическое общество и социально-политические перемены в России // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 73–90.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тимирязев К. А.* Избр. соч. В 4 т. М., 1949. Т. 3.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Психологическое содержание институтов и модель психосоциального человека // *Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова*. М.: Ленанд, 2015. С. 211–220.
- Юревич А. В.* Российская психология в мировом мейнстриме // *Методология и история психологии*. 2009. Т. 4. Вып. 3. С. 76–89.
- Юревич А. В.* Оптимум интеграции // *Наука. Инновации. Образование*. 2010. Вып. 9. С. 45–56.
- Юревич А. В., Цапенко И. П.* Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Ярошевский М. Г.* Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
- Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт–экспорт» в науке и власть // *Вопросы психологии*. 2011. № 6. С. 108–121.
- Bower G. H.* The fragmentation of psychology? // *American Psychologist*, 1993. V. 48 (8). P. 905–907.

Интегративные и изоляционистские тенденции в психологии

- Castro J., Lafuente E.* Westernization in the Mirror: On the Cultural Reception of Western Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. V. 41. Iss. 1. March. P. 106–113.
- Driver-Linn E.* Where Is Psychology Going? Structural Fault Lines Revealed by Psychologists' Use of Kuhn // American Psychologist. 2003. V. 58. № 4. P. 269–278.
- Goertzen J. R.* On the possibility of unification: The reality and nature of the crisis in psychology // Theory and Psychology. 2008. V. 18. Iss. 6. December. P. 829–852.
- Hunt H. T.* Why Psychology Is/Is Not Traditional Science: The Self-Referential Bases of Psychological Research and Theory // Review of General Psychology. 2005. V. 9. № 4. P. 358–374.
- Karpov Y. V.* The Neo-Vygotskian approach to child development. Cambridge, 2005.
- Marsella A.* Psychology and Globalization: Understanding a Complex Relationship // Journal of Social Issues. 2012. V. 68 (3). P. 454–472.
- McNally R. J.* Disunity in psychology: chaos or speciation? // American Psychologist. 1992. V. 47. P. 1054.
- Mironenko I. A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. V. 7. Iss. 2. P. 4–13.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 4. P. 35–45.
- Moghaddam F. M.* Psychology in the Three Worlds: As Reflected by the Crisis in Social Psychology and the Move Toward Indigenous Third-World Psychology // American Psychologist. 1987. V. 42. Iss. 10. October. P. 912–920.
- Rose N.* Psychology as a social science // Subjectivity. 2008. V. 23. P. 1–17.
- UNESCO Science Report: towards 2030 (2015a). Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- UNESCO Science Report: towards 2030 – Executive Summary (2015b). Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
- Walsh-Bowers R.* Some social-historical issues underlying psychology's fragmentation // New Ideas in Psychology. 2010. V. 28. P. 244–252.
- Zittoun T., Gillespie A., Cornish F.* Fragmentation or Differentiation: Questioning the Crisis in Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2009. V. 43 (2). P. 104–115.